

18+

Елена Коро

НА СТЫКЕ ОЙКУМЕН

Глоссарий
хоротопа

Елена Коро
На стыке ойкумен.
Глоссарий хоротопа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24433316

ISBN 9785448534706

Аннотация

Новый сборник фа-текстов Елены Коро. Миры моего сердца звучат в тональности фа-поэзии, моя точка отсчета – перекресток богов, или хоротоп теменосов, сакральных мест хоры. Полифония моей поэзии – перекресток миров, изначальный нуль, из которого в лингвоформате «фа» мелодиками циклов звучат миры в себе, объединяясь в единый миф.

Содержание

Фаэзия	5
Ключевые концепты фаэтики	5
Об основном принципе фаэтического языка	6
Формат от «Фа»	9
Манифест Фа	11
Фа-Хоротоп речи	12
Глоссарий хоротопа	13
Хроники декабря. Остров Крым	13
Февраль левеврит	21
Мартовские иды	23
С февраля по апрель	26
Трагилики апреля	33
Майские глоссы	37
Лето в Тавриде	44
Сказки осенней хоры	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

На стыке ойкумен Глоссарий хоротопа

Елена Коро

Редактор Елена Николаевна Коробкина

Корректор Елена Николаевна Коробкина

© Елена Коро, 2017

ISBN 978-5-4485-3470-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фаэзия

Ключевые концепты фаэтики

Фаэзия – философско-художественное направление, возникшее в геокультурном пространстве Крыма в начале XXI века.

Один из путей анализа фаэзии (фантастической поэзии) – рассмотрение концепций мира и личности, выдвигаемых этим новым литературным направлением.

Текст современного автора, как вещь в себе, сочленяет разнородные множества, сходящиеся в дискурсивные ряды.

В новом формате заложена и обыгрывается сама возможность диалога между сходными мифологемами из различных мифологических структур.

И здесь заходит речь о трансметафоре фаэта, исходящего из собственной природы бога, ведущего диалог на равных с богом в себе – трансдискурс. Бог в себе и есть вертикаль и возможность создавать максимальную амплитуду интерактивных сочленений со множеством предшествующих состояний-сообщений.

Об основном принципе фаэтического языка

Мистика Фа

Кентавром-дифтонгом «Я»

Сложносочиненные конструкции синтаксиса внутренних диалогов в интервалах пространственно-временного континуума лишены знаков препинания и сочленены паузами перехода...

В ментальной петле паузы возникают рефлексии букв, флексий, элементарных частиц, но не речи. Слово рефлектирует звуками, произнеся я, кентавром-дифтонгом скачешь через пустыню паузы вовне, в рефлексию речи...

Как человек абсурда балансирует на грани познаваемого и не познаваемого, так человек Фа, фаэт, балансируя на грани образа и безобразного, черпает в трансцендентном, не позволяя себе раствориться в молчании ничто, храня в сердце живые образы бытия, являет их миру элементарными частицами – из глубин бездны...

«Бог в себе» существует в поле однородного сознания, он есть чистое бытие и сознание, слитые воедино, безмолв-

ное чистое бытие в поле однородного сознания, лишённого мыслеобразов. Первая рефлексия, обращенная к себе: «аз есмь...», создает первый диалог с той самой сущностью чистого бытия, меняющей ракурс восприятия...

Согласно древнееврейской космогонии, 22 буквы еврейского алфавита пришли и встали перед Лицом Творца.

«Сотвори мир через нас» – провозгласили они.

Мир идеального был сотворен именами Бога.

Возвращаясь к атомам-мирам Демокрита и к странным индивидам-мирам Канта, имеющим внутри себя все основания быть, можно сказать, что каждая целостная замкнутая система такого уровня рефлексии собственного бытия, она и «бог в себе», и «мир в себе» и «вещь в себе». И даже, более того, «слово-бог», о котором идет речь в книге бытия, оно то и включает в себя все эти три ипостаси бытия-сознания. «Речь бога» – это и есть – выход из себя вовне – это есть рефлексия речи и сотворение мира «вещей в себе». Таким образом, «вещи в себе» суть элементарные частицы, суть буквы творения имен бога. Здесь мы сталкиваемся с лингвистическими экспериментами Творца, в них каждое из имен его – целый мир, странный мир, и вот перед нами многоплановая вселенная, к каждому из миров которой свой ключ-код, свое имя и закон имени. Как ключ-код имени бога Яхве, это сочетание еврейских букв «Йод-Хе-Вау-Хе», так и действие этого кода разворачивается во вселенной согласно закону этого имени, закону тетраграмматона, который нам основательно

объясняет господин Шмаков.

Но мы перейдем к другому принципу, к основному принципу фаэтического языка.

Перейдем к фаэтическому мифу людей Фа.

В начале было Фа, и Фа было у Фа.

Есть интересный миф африканского народа фон, согласно которому андрогинное божество Фа обитает на небе на вершине пальмового дерева. У нее 16 глаз, которые ей по утрам открывает Легба (в некоторых традициях Легбу сравнивают с ключником Святым Петром).

Фа – обладательница ключа от дверей в будущее (дверей 16, по количеству глаз Фа).

Владеющим тайными ключами, системой Фа, открываются двери в будущее – это прорицатели Фа.

Алхимия Фа: в начале было Фа, и Фа импульсировало 16 диссонансами и гармониками – фаэтафорами.

Как из 22 ключей-букв еврейского алфавита была сотворена вселенная множества миров, так и 16 ключей-элементарных частиц-«вещей в себе» суть кирпичики множества «миров в себе» фаэтической вселенной.

Фаэт, или человек Фа, сочетая рефлектирующие фа-частицы согласно закону диалога частиц, создает как ядра-имена «миров в себе», и, соответственно, имена-коды доступа к познанию законов этих миров, закон имён, так и в равной мере, сложносочиненные конструкции взаимодействия миров в полилоге континуумов.

Формат от «Фа»

Текст современного автора, как вещь в себе, сочленяет множество сложноподчиненных уровней вязью ассоциативной. Авторские аллюзии в формате вещи в себе – в авторском тексте – порой бывают доступны только авторскому прочтению.

Формат от «Фа» предполагает процесс возврата к тому творческому состоянию, в котором создавался текст.

«Творить – значит жить дважды»

Альбер Камю

Формат от самого себя интересен вовлеченностью автора в процесс, процесс возвращения в текст. Это акт сопряжения в диалог автора и его творческого «Я», быть может, его творческого альтер-эго, способностью создавать максимальную амплитуду интерактивных сочленений со множеством предшествующих состояний-сообщений. Этот интерактивный дискурс автора со своим альтер-эго, комментирующим ассоциативные аллюзии творца, переходит в новый формат текста, органически сопряженный с первоначальным текстом в единую семантическую структуру.

Степень взаимодействия элементов нового текста обуславливается степенью отклика разнородных множеств, сходящихся в дискурсивные ряды. В новом формате заложена и обыгрывается сама возможность диалога между сходными

мифологемами из различных мифологических структур.

Сложная степень интерактивности превращает первоначальный текст во фрагмент самого себя. Знание и опыт в процессе написания этого изначального текста настолько внутренне, переплавляясь, концентрируются, превращаясь в вещь в себе.

Текст как вещь в себе становится не познаваем для читателей, поэтому автор возвращается в текст, в процесс его написания.

Максимальная концентрация на нюансах текста выявляет в сознании их многообразность. Каждая аллюзия превращается в отдельную историю. Эти истории не вплетаются в формат текста, но их необходимо рассказать, чтобы выявить для читателей вещь в себе, сделать ее познаваемой и узнаваемой.

И тогда качественно изменяется формат.

Манифест Фа

И Фа, и не Фа, поэт – очень сложное явление в этом мире, совершенно разноплановое, и стилей, какими он пишет, не один, а несколько, внутренних мелодик звучания, совершенно индивидуальных.

Идея фаэзии в соборности, это явление созвучия индивидуальностей в едином, и сама фаэзия индивидуальна в созвучии. И каждый фаэт, он еще и поэт, и писатель и следует множеству своих внутренних мелодик. Тексты фаэтов многообразные, разноплановые, с протяженностью множеств, с пересеченностью миров в Фа.

Я – навигатор фаэзии, прокладываю курс ее полифонизму, вот и весь манифест Фа.

Фа-Хоротоп речи

Фигура платоновской хоры – материнский принцип речи. Предречье, в неясном говоре которого, как будто тихая многоголосица за кадром, где каждый голос тих, но различим речами рек, по-матерински сочетающих в себе и в речи все элементы междуречья, и создающих перекрестием речей – и рек – единственный город-хоротоп, хорический город, каковыми были Афины, первичный город, выпестованный хорой в предречии.

Это принцип воды как вещества, образующего хору, хоротопы городов на стыке ойкумен перекрестием говоров речек.

Глоссарий хоротопа

Хроники декабря. Остров Крым

Хоротоп Тавриды

Что ни перекресток, то пост,
В полночь ждет тебя гость,
Он в степях безводных – гот
из далеких северных орд.
А среди причудливых скал – тавр.
Он и скиф, и грек, и сармат,
Сорок крепостей по ночам сквозят
Стражами на сколе веков.
Видишь, брат, Мангуп его кров.
Из пещеры шагнешь во тьму,
Пропадешь, он виной тому.
Он не брат и не зван, а есть,
И не призрак, хоть тень, вот честь:
Он хранит санитарный кордон
От времен – до времен.

арабской чайнописью
глаз кофейнозёрных

с небесной кисти
акварельно вдруг
голубизной стекает тушь
на абрис...
невыразимый
киммерийский дух...

Строф киммерийских пух и рой

Елене Меньшиковой

Словно Амаатэрасу,
в танце сливая
соломенный смех
куколкам солнцеликим,
сквозящим в мгновениях
бликами счастья,
ликами в бликах, из тех
странниц страниц
солнечных весей,
где весел и наг,
древний бессмертный маг
дух Кара-Даг.

У владык перекрестков

Перекрестками воли
воины Ифе,

Мболе, Мболе,
войди в мои сны,
вы еще не связали
сеть дорог воедино
в белом-белом
пространстве войны.
Мы еще не воззвали
к курганам и склепам,
к спящим стражам
воззвали мы.
Соляных истуканов,
древних воинов света,
дух Майомбе,
расставь на посты.
У владык перекрестков,
изменчивый Мбонго,
ключи доступа в сеть дорог.
Где-то бродит
по козым неслышным тропкам
крымский бог.

Аид начинается в полушаге, в танце во тьме,
тебя приглашает галантно твоя госпожа Смерть.
Тихо, легко, без озноба, ваши шаги в лад,
ты бы и рад обратно, но некуда – темный сад...

Боги смерти

Твои духи смерти
забрали тебя в свой миф.
Не думай, что сможешь
любить живых так, как их.
Дары богов смерти
не в свете земных благ,
ты умер, рожден – ты маг.

И мир всплывает в войну как в миф
черной ладьей острова Крым.
У владык перекрестков сплин:
боги смерти свитки имён
передали жрецам своим.
Заглянув в глубь зеркал,
уронив свитки имён вмиг,
мальчик-жрец обронил крик,
кровь, душу и лик,
запечатав миг – до времён.
Вышел фантом за дым,
белый бездушный мим,
на перекрестке трех дорог
ждет...

Миф о Крыме

Крым вздыблен древней магией
атлантов, земля и миф,
здесь тени киммерийские

во власти древних магов,
здесь в моменты лихолетья,
в мгновенья катастроф,
вступают древних стражей духи
в переключку —
и силой магии хранят миф-Крым —
сокровищем для душ свободных,
для жаждущих Крым захватить —
бельмом, съедающим их души,
здесь гений места не один, един,
соборен в полилоге равных...

Когда-то маги древней Атлантиды в последнем порыве попытались сохранить свое тайное знание и мастерство. Атлантида рушилась и погибала. Маги вздыбили остров из осколков гибнущей Атлантиды:

а маги, взяв мечи и фуги,
мир разделили в центрифуге,
под покрывалом киммерийских теней,
в сочельник,
черного дракона Кара-дага
скрестили с тезой солнца —
наслажденьем...

Так возник самый древний остров, постапокалиптический, и древняя магия жива до сих пор на древней земле магов, хранят ее поэты, и главный солнечный маг Волошин —

гением места вдыхает дух киммерийский, дух древних магов – в души пиитов

Дух киммерийский
ликом, абрисом джинн,
ты запечатан, шипишь словно наг,
Волошиным с солнечных весей
в Аид-Карадаг.

Письма джинну

Пишу джинну декабрьские письма,
белой ладьей, зимним солнцем
по подземной реке по пещерам ночным
в иссиня-фиолетовый дым.

Шлю духу летние ароматы
чабреца, зверобоя и мяты,
полыни горькой – разогнать сплин,
курю тебе, крымский джинн.

Вглядываюсь в лики черных зеркал,
в глубинах гагатовых блики
малахитовых духов гор,
белых всадников разговор,
дары тебе, черный маг,
дух Карадаг.

Дух киммерийский
ликом, абрисом джинн,
ты запечатан, шипишь словно наг,

Волошиным с солнечных весей
в Аид-Карадаг.
Дух киммерийский,
пифией в ухо цирцею:
освободи
имя его скорее.
Макс ибн джинн
Киммерии вся,
что скажешь,
смотрящий вперед?
Курс на восход.

Дожить бы до пределов декабря,
до скачущих степями амазонок,
до тавров, скифов,
мифов, листригонов.
Дожить бы до себя,
кочующей среди них
и с ними, и врачующей их язвы,
да докружиться вихрями зимы
до диалога с мевляна Руми,
до семы, но не в Конье,
здесь в Гезлеве.
И приоткрыть, хотя бы, вещь в себе —
себя, хотя бы кантом в окоеме,
дожить бы до себя.

Странствуя странно

Авосем странствуя
по набережной естей,
мечети мимо, с минаретных весей
взывая муэдзином, какнибудем —
к владыкам света,
странствующим странно,
гулякой праздным
мимо все чуть-чутей,
уж спотыкаясь и роняя жесты
в гранёный хроноса бокал,
сторбатившись вконец
верблюдом в пирсы,
апологет и аксакал,
стекая по ступеням пьяно
не к посейдону, в пену дней
пиано...

Февраль левфеврит

Элохим

Элохим следует курсом прямо к тебе.

В утренних сумерках, Эль, иерихонской трубой
срываешь покров бетонных стен как остатки одежды.

С широко закрытыми глазами, почти что ню,
ощущаю твою бестелесность... плыву...

Так обручаются элохимы с дочерьми человеческими.

Февраль левфеврит

Стоит белокрылая птица, забывшись,

и в отражении видится стиксом,

спутницей мрачного грязного бога,

черными льдами вдоль Ахерона

в рое химер к миру людей

северным смерчем —

Эрнст Теодор Амадей.

Февральской тушью

Февральской тушью заштрихована река,

в ней промельком – снега и облака,

и грезятся мне в профиль февраля

ветвей чернильных веера, мгновенье для

вот кто-то чертящий в сквозном окне:

«Февраль. Достать чернил...»

Достать и мне.

Мартовские иды

Сновидения мартовских ид

Встретить Гекату так, будто бы невзначай,
чаю бы предложить, пригласить на чай,
нечаянно черных собак головы множатся так,
будто их потаенные сны стаями из травы.
Не бойся собачьих стай, подходя домой,
челюсти их заняты, в них черные перья кур.
Геката, увидев твой страх, руку тебе подаст,
возьми ее за руку просто так,
проходя сквозь кордон черных собак.
Она говорит тебе что-то, ты, как всегда,
забудешь после совет её, но,
поднимаясь по лестнице, окажешься вдруг
в Уфе, тебя встретит на кухне покойная тетька,
спросит бутылочку молока.
Вот так невзначай пригласи Гекату на чай.

Фа-стрекоза

Стрёкот строк стрекоз
сквозь горизонт событий —
радужный мост —
око строк, отрок длит стрёкот,
как фа-полет

из всех парсеков фа-сеток.
Мост Фа, детка-стрекозка,
в шестнадцати радужных отголосках
стрёкота фа-строк.
Отрок стрекозий, замри в стрекозиных строках
на мосту Эйнштейна-Розена на мгновение
стрекозиного стрёкота,
отрок ли, око ли фа-сеток
не даст червоточить строкам стрёкотом Фа,
единственной из шестнадцати – строкой Фа —
соблюден переход за горизонт событий,
отрок стрекозий, быть тебе отроком фаоким
Фа-стрекоз сингулярности.

Дорогая, забудем Орфея, Кокто
был не прав, даря тебе образ
влюбленного в Смерть поэта.
Дорогая, в мире твоём весна,
сны наши нежнее от ночи к ночи.
Странно было бы сетовать на твои слова
о приходящих детях, а после
обжигающий пост в фб об ушедших детях,
в нём ссылки, страницы и адреса:
ушел из жизни, спрыгнув с крыши,
просто ушла из жизни в пятнадцать лет.
Дорогая, я знаю, что тебе тяжелей,
тебе принимать их души.
Как же сложно с тобой, ты чутка, тиха и нежна,

но порой, так тяжело тебя слышать и слушать.
Я не зову уже тебя госпожой,
демократия близости, покровы ночи,
но как ни странно, я становлюсь собой,
чувствую себя живой как никогда раньше,
– и все твое наслаждение – в чувстве моей жизни.

Матрица мартовских ид

Не слушай пророчеств мартовских ид
об убранном в белый саван тополиного пуха июле,
Юлий выжженным летом, полуденным небом, следом
августа слепки легки, янтарики-слезки стрекозки,
вестью сожженных степей, дымкой сухих миражей
сентябрит новый год с мартовских ид.

С февраля по апрель

Робинзонада речи

Междуречье на острове постепенно стирает черты,
лицо держит речь. Вначале ты долго кричишь,
читаешь стихи стихиям моря, ветра, песка, чайкам,
чей крик диссонансом в сеть ассонансов, в стих.
Так долго, что речь какофонией междометий
становится междуречьем, ты споришь, ты ходишь,
говоришь-говоришь, стекая в невнятицу звуков речи,
и последним кентавром-дифтонгом,
прокричав междуречью: «Я!», изменяешь себя.

С февраля по апрель

Е.М.

Сад Пиерийский слезами ли орошать
с февраля по апрель?
Иль перст уколов о шипы пиерийских роз,
капельку крови в дар принести
на пиру Мнемосины,
пусть не вздыхают суровые боги,
пусть десятой Сафо в перебранке Камен
Елене предскажет кончину зимы

и новой весны толчею
и смех гиперборейно.

Эфедра не Федре

В солнечных сандалиях по змеиной тропке,
соломенную шляпкой прерывая
хор крылышкующих кузнечиков
золотописьмом Гермеса.

В их полудневный плач и скрип
цикадами на цитрах тонких стеблей
эфедры, оплакавших не Федру,
жертву Ифигении – богине тавров диких,
в край северный, далекий,
с запоздавшей на тысячу ли ли весной,
в подарок: августа полдневный зной,
эфедры красных ягод, терпких
летаргией сухих и белых камней
возле понта, хозяйкой мест там чайка
на скале, где столько солнца,
что хватит и на тысячу ли северных столиц,
в подарок – и ящерок полдневный сплин
янтариками глаз – сверк в сверк.

Что ни доктор, то чумной лекарь

Что ни доктор, то чумной лекарь,
отставной барабанщик заштатного клюва,
за дюжину бубонов бочонок бурбона

да пару сожженных вчистую
чумных поселений.

Не архангел с мечом, выжигающий скверну,
районный ветеринар в боях без правил,
что-то трупный дух да чадит гарью,
африканской чумой из ближайшей деревни,
что принес в клюве заштатный аист.

В этом городе, Фортунатос

В этом городе, Фортунатос, паляще белом,
где тень не спасает от слепящего солнца
ни старика, укрывшегося под чинарой,
ни в черное закутанных женщин,
ткущих белые нити под абрикосом.
Здесь не спасают протяжные крики муэдзина,
срывающиеся с минаретных шпилей,
Здесь, Фортунатос, боль с привкусом соли,
здесь поцелуй с морем, умерщвляет море.
Здесь не нужен человек в сером,
забирающий тень, награждающий шляпой,
в этом городе, Фортунатос, мы с тобой тени,
на белых камнях не чувствуешь жара,
этот город как мое сновидение,
как ты, Фортунатос, единственный,
настоящий.

Аквилон

По дороге желтой на старой горе
мимо сорока сороков шли ходоки
от себя к себе; перекрестьем
ветренный зюйд-ост
облаками с зюйд-вестом
птичьим пером
переписывал кельтский крест
в норд-вест,
эгисхъялмами по облакам
остров Крым,
знаешь, брат-фаэт, фа-маяком
сорока сороков навек.

Белым маком Макошь

Е.Х.

Белым маком Макошь,
Мокошь моя!
Мокнет белой росой тоска,
у молочных озер белый маков цвет,
мой сердечный привет-ответ.
Мама, мама, маленький мотылек,
белым маком Макоши огонек,
прилетай в мой дом,
в мой волшебный сад,
белым мороком по полям,
белой гостьею в белый дом,

где столетний туман за окном.

Переписывать летопись снов

Переписывать летопись
снов Кублай-хана так просто
на глазах сестер, перебирающих просо,
кормящих павлинов с руки.
Но никто, дорогой Заратустра,
не унижит море павлиньим ликом,
в этом городе поцелуй с морем
саднит криком,
здесь город ревнитель сцен,
театров, в его узах
страстотерпцем в язвах
за каждый поцелуй с пеной
соляным столбом, без измены.

День Крым

Сегодня день пейзажей сердца:
облака, верблюдом в понт уткнувшись,
свысока глядят на Крым, зеркально голубой,
что подо мной, мой летчик, под тобой.
Невыносима плотность тишины,
контрабандисты воздуха, брат, мы,
и этот Крым, взвесь снов и высоты,
он наш, сестра и брат, мы с ним на ты.

К старухе

К старухе, оставленной смертью
в пустом колодце двора,
в старинном доме с высокими потолками,
в комнате с видом на Сену, Неву, Москва-реку,
к древней старухе в платье белом,
шепчущей мне на ухо о запахе белого цвета,
такой красивой старухе, такой древней,
брошенной смертью привидением в дом
на берегу Сены, Невы, Москва-реки,
я приношу ветку цветущей вишни,
любуюсь лицом прекрасной молодой женщины,
вдыхающей аромат жизни.

Написать письмо

Написать письмо отцу,
коротающему дни в одиночестве
или с проходящими сестрами
милосердия, сказать ему:
«Здравствуй, папа! В Питере у тебя
слишком сыро, вид на Невский
из окна коммуналки мерзок,
но помнишь, как мы ходили
почти белой ночью смотреть,
как разводят мосты.
Знаешь, папа, вот и смерть
за ближайшей оградой,

но помнишь наше катание
по Фонтанке на лодке,
как мне было по кайфу
сидеть на веслах
и грести вдоль острова.
Помню, папа,
мое свободное счастье шляться,
а посему будь счастлив
в нынешнее воскресенье
и присно...»

Трагилики апреля

Пражский сон

*«На Карловом мосту – другие лица»
Иосиф Бродский «Витезслав Незвал»*

1.

Помнишь, дорогая, на Карловом мосту
Свел нас Кортасар лицом к лицу.
А теперь из дальних далей к тебе
Едет мой трамвай, Кора Оливе.
Держу тебя за руку под стук колес,
Под скамьей улегся твой черный пес.
Кора, дорогая, под цо цокотух,
Под бубнящий гомон трех старух,
Обнимает стать твою, лохмотья вон.
Полночь, трамвай, Прага, вой ворон.
Ах, Геката, твой ли, мой ли сон?

2.

Ночь из окон, тени по Влтаве-реке,
Желтым пароходиком от себя к тебе,
От тебя ко мне из летейских вод
Призракам клубиться, а им несть счет.
Дорогая, Стиксом струится сон:

Влтава, мост, монета в пять крон
Прямо в лоно ночи черных лун
От меня уходит старик Харон.
Дорогая, тайных моих имен
Не назвать. Гадать ли по черной луне?
Желтым пароходиком по Влтаве-реке.

Петербург

Триптих

1. На стыке ойкумен

На стыке ойкумен не Ганс, не Франц, но Питер,
по образу не Рим, не третий,
подобие, но как слепой Тиресий,
метаморфозом замысел из тени воплотил,
из пограничья топей и болот, из островов,
из тех, кто тварь иль гад, кто полужив иль полумертв,
на грани ойкумен не рус он и не гот,
метаморфоз людей и двойников,
здесь вызов речи тварью ли из междуречья,
иль правом быть дифтонгом, сочлененным
с междуречьем в речи, метаморфозом в «Я».

2. Жрица Нева

И быть тебе жрицей и жницей

высоких чужих голосов,
слетающих птицами стикса
над Марсовым полем кружиться,
хугином-мунином длиться
требами ауспиций
для дальних и чуждых богов.
Криками стикса, уханьем в ночь,
в перекрестье рек – Невой имярек.

3. Из чрева Петербурга – тихий стон

Памяти погибших в метро

Стихают речи рек,
смолкает говор строк,
онегинской строфой
пронесся по Сенной
чревовещатель Питер.
И рваной речью – Стиксом —
пространство разорвет и стихнет
не Маяковским между строк,
но тенью, затаившей в междуречье
взрывы междометий...
из чрева Петербурга – тихий стон,
и линией гексаметра подземки,
сквозь паузу цезуры
твой Харон...
в летейских водах речи Петербурга не слышны,

ПОМЯНЕМ ТИШИНОЙ...

Майские глоссы

Список Мнемосины

Имена афинян, локрийцев,
ахейцев, микенцев, фокийцев
тают в летейском списке
кораблей. Иэпиан Стиксу!

Нет ни элина, ни беотийца,
ни афиняна, ни фессалийца,
в дар Мнемосине принесших
перечень кораблей.

От Афиняна – Стагириту —
в первом чтении глоссами Леты —
глоссарием Мнемосины —
поименно – в каталог кораблей.

То ли Эллада, а то ли Порта

На берегу ночного тихого Понта,
где «Арго» у причала на привязи
и свет маяка прорезью
циклопьега ока порта.
Здесь пристанище джиннов,
фееричные гонки

под звуки старинного саза, Порта
на оттоманке в кофейне,
кальяньюсь ежевечерне,
перебирая гезлевские чётки,
абрисы Османской империи
в свете огней старого города
различает по муэдзиновой песне
с минарета древней мечети,
чьё имя в нетленных списках.
Скажите, какого чёрта в сумерках,
змеящихся кривизнами улочек,
исчезает время?
Скажите мне, где я?
Арабское имя Фаэзия
Елену сдает в нетленку
в протяжной муэдзиновой песне.

Моя госпожа

На вершине горы, на скале крутой
мне мосты мостить с моей госпожой.
Нам мосты мостить парой быстрых крыл,
ты ли дива, душа моя, Гамаюн,
ты ли дэва Сома, мой быстрый ум
к дэве Уме влечет, голос к Вач – и в речь,
нам мосты мостить, госпожа Лилит,
мне с женой багряной Эоном течь.
Я запомню имя ночное моей госпожи,
Гамаюн все знает, не молчит.

Уфа

Белой реки Агидель священна речь,
молоком кобылиц небесных течь,
и, свиваясь с черным крылом Караидель,
ворковать волшбой-ворожкой
о городе, дремлющим Дёмой,
о городе, наречённым речами рек,
наречённым навек,
перекрестком рек – Уфа – имярек.

Суфийское

Когда захочешь поговорить,
в городе мудрецов, убивших время,
вспомни, что в душах их
прах братьев твоих,
Мевляна Руми и Шамсаддина.
Ничего не сказав мудрецам в лицо,
не чревоуещатели, фарисеи, иже с ними,
оставь прах мертвецам, призови того,
кто летающим солнцем откроет имя
сокровенного любимца, с уст его —
тайну мира, доселе не виданного
ни арабом, ни парсом, ни бедуином,
познай великую тайну сию —
поцелуем.

Госпожа Стикс

На окраине города словно в раю,
рай в этой местности,
пропахшей болотами стикса,
старое русское кладбище.
Кущами кизила и жимолости,
зарослями в половину роста,
тишиной, цикад робким цо,
черно-белыми и рыжими кошками
проявляется райский день.
Серебро паутины росной,
серебро госпожи Стикс,
в окраинном тихом раю,
в местности, пропахшей стиксом,
серебро единственной близкой,
на встречу с которой влеком
родства странным анахронизмом.

Зеленая рыба

Вот врываешься в мир духов зеленой рыбой,
в мир что мозаичный иконостас,
рыбьим оком Христос в окоем, в глубины
увлекает твой взор, в глубинный транс.
И как будто нечем дышать в прозрачном
этом мире, как будто бы нечем жить,
но ты знаешь, что вот рождаешься рыбой,
так легко в этом воздухе плыть и пить,

пить пространство и этим быть.

Путешествуй по дальним окраинам, по островам,
отправляйся в Японию, если влюблен в Восток,
в Новой Зеландии найди свой дальний приют,
созерцай океан, в четырехбалльных трясись,
крымским блэкаутом от вёсен отгородись,
особенно от арабской весны.

Как бы ни был близок тебе восток,
под боком и через
Эвксинский Понт,
забудь в этой близости восточный кейф,
кальянись в кофейнях Стамбула вдруг
вспомни, если друг-муэдзин призовет
с минарета на вне
очередной намаз,
знай, что мусульманская улица
не сдержит накал арабской весны.
Сегодня здесь выпорот, завтра будет казнен
турецкой армии высший свет, вспомни совет:
держишься от тиранов подальше, лучше беги,
от марионеточного блеска глаз,
здесь не простят тебе чужие долги,
а если твой голос пошел с торгов,
ты приобрел тени врагов,
теперь ваши тени не различить,
сегодня ты с ними куришь кальян,
сегодня ты в них влюблен,

беги пока длится восточный сон,
по островам Греции, спаси тебя Понт.

Турецкий калейдоскоп

Мусульманская улица

тасует маски:

серые волки русским туристам

кивают по-братски,

ваххабиты с преемниками Ататюрка

стоят в обнимку,

лицедействуя честно,

чувствуя от всего сердца

Эрдогана.

Турецкие полковники

в узком кругу на бетонном полу

на коленях, утратив свое,

сутками созерцают Лицо,

одно на всех,

Эрдогана.

На лекциях на глазах студентов

профессоров берут за шиворот,

выбрасывают на

мусульманскую улицу

без выходного пособия.

Не оттого ли печальны их лица

на фоне карнавальных улыбок?

Так складывается потихоньку

в турецком калейдоскопе

мозаичное лицо
марионеточного диктатора
Эрдогана.

20 лик Мая – Я.

Лицом, распахнутым в лето,
расхристанной маем речью,
гlossами, тропами, течь ей
хоралами междометий
из междуречья, из млечья,
дабы облечь в обличье
возгласом майского дня:

Я

Застонут сизифовы птицы,
распавшись не клином высоких,
зовущих курлыканьем,
криком осеннего ястреба,
лики, как льдинки, бросая в ладони,
талой водой на страницы
книги, в которой лица
распахнуты в льдистое лето,
или в летейские воды.

Лето в Тавриде

Лето в Тавриде

Сижу и слушаю истории Геродота,
И думаю, не послать ли к Пифии в Дельфы
Узнать, не перенести ли прах Ореста
Из тех мест, где его искали жители Спарты,
В места, где воздвигла святилище
Ифигения в Тавриде,
Дабы пришло, наконец, Лето.
Умей правильно растолковать оракул,
Дабы не пришло Цунами вместо Лето.

Июнь в Тавриде

Июнь в Тавриде.
Таврозавры гуляют среди роз заката.
А Понт гостеприимно отдается
Всем гражданам Керкинитиды,
Как и тому две тысячи пятьсот.

Кости с Деметрой бросать
в мире подземном в эпоху Саиса,
египетский царь, Диониса
ты позабавил слегка.

Дорогая, дар твой священный храню,
да хранят меня спутники-волки.

Иерихонь урагана

Гор – гондольер Ра —
трубен джаз иерихонских горн,
город гонга Ра Москв,
уРаГанг в щепы небосвод.
Распяты, скрючены
иерихонью урагана
не кресты церкв-смокв,
вековые лапы отщепенцев,
расхристанных в щепях,
великомучеников-дерев.

Инь-июнь

Сетью истлевших в иссолье русл
След страсти иссохших уст,
Травостой свистящих по ветру – в плеть,
Ты мой кабокл, сухой дрожью степь,
Дробью свистящих птиц в смерть,
Сухою страстью с тобой тлеть,
Свистящей змеей вязь плеть
Сетью истлевших в иссолье уст
След страсти иссохших русл.

Сказки осенней хоры

Сказки осенней хоры

Осенью текут реки речью,
воркующей с охряными листьями,
речью старинных наречий,
пишутся охрой на листьях,
так легко прочесть их
в узорах, разводах и пятнах.
Осенью междуречье являет лик пограничья:
котиками между листьев,
жаворонками между строчек,
сновидящих рассветами лета.
Пограничье являет синичек
и птиц Афродиты,
что плещутся в лужах
между осенних листьев,
как в арабесках строчек,
являя за кадром точки,
что развернутся формой
историй и путешествий
по временам, городам и весям,
по островам, перекрестком деревьев и неба,
по облакам многоточий...

Хорошо свет

Свивая солнечного света хоротоп
в закаты облачных фантазмагорий,
фа-демиург легко совлек покровы с нот
и мир вовлек в пределы хоры.
Да что же легче формы облаков
и эйдосов, сбегаящих огнем меж строк,
так демиург был зван и дал
стихиям джиннов.
И джинн менял обличья гор
и пилигримом явлен был Гезлеву.
Мицкевичем был дан нам Чатыр-Даг.
То Чатыр-Даг был явлен в хоре.

За тенью синего кота

Коту Тихону

Следуй за тенью синего-синего,
его взгляд различает во тьме
нравы островитян.
Видишь, синяя туча пролилась дождем,
в городе ибисов только имя шепчет
абрисом полумесяца о пути того,
кто начинается с Аль.
Думаешь, это Он?
Это иной, чье имя Ба города
Александрия.

Жрецы города отбыли в город Саис
на конференцию древних жрецов Египта.
Но ты следуй за тенью синего кота
курсом на греческие острова,
зачем тебе тени жрецов,
лучше следуй в город,
который вспомнил Критий
в диалоге с Сократом,
старую сказку об Атлантиде,
рассказанную жрецами Саиса,
жрецами богини Нейт в храме Афины,
одному из семи мудрецов Греции,
имя ему Солон.
Но ты следуй за тенью синего кота,
попавшего в хору твоих сновидений,
это он мелькнул тенью над Пра-Афинами
и отбыл на острова.
Только на острове синего кота
ты встретишь Тихона.
Он стал котом смотрителя маяка,
и сидит на закате у океана
и желтым глазом завра заката,
углубленным в хору, зарит сновидениями,
и машет тебе синей лапкой
в сумерках среди скал острова синего завра.

Хорогоп

Ткется теменос в перекрест,

нити бабушкой – крест в крест,
за крестами ей речью течь,
белой речкою течь в млечь,
для безудержных кобылиц
на четыре все речь длить.
Оком сокола обручен,
тайным говором наречен.

Евпаторийский ориентализм

Факультативен город, не иначе,
здесь текст мечети обозначен
репрезентацией верблюда
горбами минаретов, губы
так мягко под рапсодии Аллаху
целуют Понт, что помнит полис греков,
от греков здесь остался лишь некрополь
репрезентацией кремаций, не успехом,
но палимпсестом к скифам, готам, хоротопом,
столетий перекрестком, русским правом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.